

Воспоминания Тихона Николаевича Крестина I. Отскочное.

Став пенсионером и освободившись от служебных обязанностей и забот, всё чаще и чаще думаешь о былом и пережитом. Чаще вспоминаешь детство и юность. Раньше не было времени думать об этом. Текущие, деловые вопросы отнимали всё время, а если и оставалось что-либо, то эти часы и минуты посвящались далеко не детству и не юношеским годам. Эти вехи жизни не вызывали вопросов и не порождали интереса. Задумываешься о них уже в конце пройденного пути. когда настаёт пора подводить итоги и «отчитаться» перед своей собственной совестью за содеянное в течение многих лет, когда безутешно оглядываешься, зная, что впереди уже все безотрадно и безнадежно для тебя. Ты с грустью констатируешь, что твоё время прошло. И хочется того, чтобы уроки твоей жизни послужили добрым фундаментом для радости и счастья детям. Как они неопытны! Такими же слепыми котятками были и мы в своё время. И так же, как и теперешняя молодёжь, мы не хотели и не умели посоветоваться с родными по тому или другому (жизненно-важном) вопросу. Всё решали сами, на свой страх и риск. Нам, молодым, казалось, что мы принимаем единственно-правильные решения и только теперь, на склоне лет, понимаешь, что многое было решено совсем не правильно, не разумно...

Жить тоже надо уметь! «Жизнь прожить - не поле перейти», так говорит старая поговорка, и реальный смысл её проявляется только теперь. И раньше повторяли её не раз. но глубины, великой значимости этой мысли не осознавали. Не доходило это до сознания. Всё казалось легко и просто. И только вот в пожилые годы, когда ставишь себе вопрос: «Зачем ты жил и что после тебя останется людям, поколению?» - начинаешь критически разбирать своё былое. Зачем? - Затем, чтобы поколения начинали думать о будущем и былом пораньше, чтобы из нашей былого вынесли бы какие-то уроки.

Мне не пришлось, выслушать родительские советы в молодости, ибо с 15 лет я жил отдельно от семьи в силу того, что учился в Воронеже, а отец работает на периферии, в сёлах. Я рос «квартирантом». Так меня называла впоследствии моя мать, когда хотела подчеркнуть мою беззаботность о

благополучии дома, т.е. о топливе, кормах для домашних животных, заготовках овощей на зиму и т.п. И это не случайно. Как я уже отметил, с 15 и до 25 лет я жил самостоятельно, снимая угол с кровати, на всём готовом и выплачивая хозяевам квартиры определённую сумму денег в месяц. Это - до поступления в Воронежский СХИ (сельскохозяйственный институт), а потом - жизнь в общежитии, питание - в столовой.

Но начну уж рассказ по-порядку...

Мои родители и родственники.

Родился я в феврале (19/ II) 1910 года в селе Отскочном Дмитровской волости Землянского уезда Воронежской губернии, а по новому современному административному делению - в селе Отскочном Хлебенского района Липецкой области.

Отец мой происходил из крестьян того же села. Дед мой, Яков Иевлевич Кретинин (а по-уличному «Левонов») имел надел, содержал скот, и основным его занятием было, как тогда говорили - хлебопашество, т.е. земледелие, хлеборобство. Скот содержали для внутренних надобностей, т.е. его продукты и он сам не были предметом продажи, средством получения доходов. Хозяйство было натуральным. Что выращивали - сами и поедали. Выделяло семью деда то, что он был бондарь и столяр. Делал он и обычные деревянные крестьянские сохи. Кадушки, бочки, жбаны, лоханки, сохи - были предметом заработка. Для их изготовления дед закупал, где мог соответствующую древесину, сам её разрезал, колол, обдывал и изготавливал деревянную посуду и сохи. Всё это он делал или по заказу односельчан или по собственной инициативе и в ярмарочные праздники вывозил сделанное на базар. Этому мастерству он научил и всех своих сыновей, в том числе и моего отца. У деда было четыре сына и одна дочь.

Старший сын - Сидор, я его и не видел, Не видел, по существу, и самого младшего своего дядю - Герасима, который погиб в Первую империалистическую войну, в 1916 году. Помню только, та и то как-то слабо, как провожали Герасима на войну... Запомнилось, как он исключительно быстро изготовил для себя в солдаты дорожный деревянный сундучок для вещей и продуктов. По рассказам отца это был умный, сообразительный человек. Он писал отцу с фронта письма, и отец восторгался ими. Солдат с сельской школой глубоко анализировал состояние дел на фронте. Я видел эти письма, но ни одного не сохранилось. Я был мал, а отец вечно в отлучке и письма растаскали на курево. Мать была неграмотна, и ей письма не были дороги. А было бы очень интересно теперь почитать эти информации с полей боёв за «святую

Русь».

Герасим, как я уже скаисл. был младший брат. Перед ним - мой отец, Николай, потом - Никифор и, наконец, - Сидор. Тётя Ганя родилась междч Герасимом и моим отцом.

В годы Столыпинской реформы землепользования, когда крестьянин МОГ выделиться из общины, в нашей большой семье было принято решение отправиться на поселение в Сибирь.

И вот в 1910 году отец, Сидор, Никифор и муж тёти Гани, Антон, выехали в Иркутскую губернию. Там они срубили большой дом, один на всех, и стали заниматься плотницкими подрядами, строя дома и делая всякие мелкие крестьянские деревянные поделки для местного населения. Через 2-4 месяца к ним, т.е. к братьям, из Отскочного выехали жёны с детьми, в т.ч. повезли и меня в возрасте 10 месяцев. Мужчины обосновались где-то на станции Худоелань Минусинской волости. Так я запомнил из рассказов матери. При переезде через Волгу, меня чуть было, не уронили в реку.

Однако женщины в Сибири не прижились. Скоро соскучились по матерям и родным местам, «Заголосили». И мужчины стали один-по-одному уезжать из Сибири. Остался верным слову один Сидор. Семья его была в Отскочном, но он домой не стремился. Так и остался там на всю жизнь, сложил голову где-то на сибирской земле.

У него был сын Яков и две дочери. Якова убили «товарищи» из-за женщины. Труп спустили под лёд в Дон. Мать с двумя дочерьми долго мыкала нужду и, в конце концов, уехала к мужу в Сибирь и там осталась. Вся семья Сидора, как перекасти-поле, затерялась в сибирских просторах.

Никифор после возвращения из Сибири занимался хлебопашеством и бондарно-столярными поделками. Это был очень приветливый, дорой души человек. Помнится, у него было две дочери и два сына. Жили они бедно, но когда я к ним заходил - встречали ласково.

Надо упомянуть, что в годы революции большая семья поделилась. Никифор и семья Сидора взяли свои части и стали жить самостоятельно. Но хозяйство у семьи Сидора не сложилось, и она выехала, как я уже сказал, в Сибирь.

Дед, мой отец и вдова Герасима с дочкой Настей остались жить одной семьёй. Но через некоторое время вдова вышла замуж за вдовца из соседнего села Крещенка, а отец подался работать на государственную службу в уездный городок Землянск.

Надо сказать, что из всей семьи деда Якова только мой отец, стараниями сельской учительницы Марии Максимовны Кутузовой, сумел окончить в

соседнем селе низшую сельскохозяйственную школу и мог работать агрономом или управляющим фермой (или управляющим небольшим имением).

После Сибири отец с семьёй уехал в тогдашнюю Донецкую область и устроился работать управляющим фермой церковно-приходской школы. Я хорошо помню эту страницу. Церковь и школа - на окраине села. По середине села протекала речка, куда я водил пить соседских лошадей. Это однажды мне чуть не стоило жизни. После водопоя я разогнал лошадь, бежавшую к яслям под сарай. Соседи, увидев меня на лошади, закричали: «Пригнись! пригнись!» ... Я пригнулся к гриве, и это спасло меня от удара о стреху сарая...

По рассказам матери, Домны Егоровны Кретиной, в этот период к нам в Донскую область приезжала бабушка Катюша (мать отца). У нас с бабушкой была большая дружба, но иногда наши взгляды расходились, и тут я проявлял «агрессивность»: я уходил на кухню за веником с намерением проучить бабушку.... Но она, зная моё желание этих лет быть попом, говорила: «У-у-у..., родимый, да разве попы дерутся?!» И я, сражённый убедительным доводом, уносил веник обратно. Желание стать попом, видимо, возникло из-за частого пребывания в церкви, где работал отец.

С Лёкой мы дружили, он чуть постарше был, но играл со мной.

В 1915 году из Донецкой области отца взяли в армию и мы (сестра, я и мать) вернулись в Отскочное. Отец служил по снабжению армии в Тифлисе (совр. Тбилиси), и мы с матерью в 1916 году выехали к отцу, оставив сестрёнку с бабушкой Анютой (матерью мамы). О Тбилиси в памяти - отдельные эпизоды: серные бани, посещение кино, поездка на трамвае без билета, когда контролёру за меня заплатил какой-то офицер...

Совершенно чётко помню возвращение на Родину после Октябрьской революции. Ехали мы поездом, и вот на станции Хасавьурт состав задержали, т.к. за Хасавьуртом банды чеченцев делали аварии, разбирая пути, и грабили пассажиров. Нам пришлось некоторое время простоять, но на счастье подошёл военный состав Терских казаков с пушками и пулемётами на платформах. К нашему составу прицепили вагон казаков, и мы двинулись вперёд... Помню долину и слева кустарник. Пути были разобраны, и поезд стал. С шумом и гиканьем к вагонам стали подбегать вооружённые чеченцы, но казаки открыли огонь и бандиты откатились назад, в кустарник. Произошёл такой случай: казак погнался за чеченцами и в кустах столкнулся с неприятелем, наставил на него штык, сказал: «Сдавайся!». Но чеченец отмахнул штык кинжалом и молниеносным ударом зарезал казака... Так рассказывал потом об этом отец. Но проехали мы благополучно и с радостью добрались до родных мест.

Осели мы, естественно, в родном селе Отскочном. Осели надолго, хотя отец сначала работал в потребительском обществе - «потребилровке», а

вскоре

устроился помощником уездного агронома в г. Землянске. Это был (и остался) захудалый глухой городишко. Он и на город-то не был похож. Скорее, это было крупное село. Ни торгового, ни промышленного значения не имел. Так захудалым он и остался до этих (1973 г.) дней. Я уж не помню, по каким соображениям, но в Землянске отец жил один, а вся семья наша - в Отскочном. Думается, что это было вызвано тем, что в то время прожить семьёй в пять человек в городке, без своего хозяйства, было трудно и легче было оставаться в своём хозяйстве с дедом Яковом Иевлевичем. Нас было пятеро - отец с матерью, я, сестра Анна рождения 1912 г. и сестрёнка Нина рождения 1916 г. Мать, вместе с другими, исполняла все сельскохозяйственные работы. Она из крестьян того же села. Совершенно безграмотная. И только отец выучил её читать по складам и расписываться «закорючками». Свою подпись, помню, она не писала, а рисовала.

Мой дедушка по матери, Егор Сысоевич Кретинин, жил очень бедно. В селе не было помещика, и оно не было крепостным. Землю ежегодно делили и переделывали по душам. Причём давали наделы только на мужчин. А у Егора Сысоевича был один сын и три дочери. Жить было невероятно трудно (шесть душ, а надела только два) и дед вынужден был с осени, после уборки урожая, уезжать в теперешний Донбасс на заработки, «рубить» уголь. В нашем селе было много шахтёров. Там и сейчас работают из Отскочного несколько семей. В частности, мой дядя, Тихон Егорович - простым шахтёром, а его сын, Николай Тихонович Кретинин, - директором шахты в Молодогвардейске. Но об этом несколько позже. Пример бытия этой семьи очень характерен для эпохи становления Советской власти и колхозного строя. По причине безысходной бедности мать в юношеские годы тоже (но только весной и летом) уходила на заработки к родственнику царя Николая II, князю Ольденбургскому, на свекловичные плантации Рамонского сахарного завода, что в 26 километрах от Воронежа. От этой рабской работы у матери на руках до старости, в 15-20 сантиметрах ниже локтя, сохранились "желваки". Согнувшись и опираясь этими местами на ноги у колен, она прорывала свёклу и выпалывала сорняки в течение нескольких лет по 10-12 часов в день, а точнее - от утренней зари до вечерней.

Мать рассказывала: в воскресенье, после обеда, по улицам села ехала подвода, а "подённые" выносили сумки с продуктами на неделю, клали в телегу, и шли следом до имения с названием "Бунино" (теперь совхоз "Комсомолец"). Жили в помещении, где зимой размещались волы. На земляной пол стлали солому, и это было "общежитием" для подёнщиков. Тут они спали, а вблизи варили себе на костре раз в сутки пищу. Варили кулеш из пшена, сдабривали его чайной ложечкой постного масла, и это служило обедом. На завтрак - сухой хлеб с полученным авансом сахаром. Обед - это, собственно говоря, и ужин. В полдень - получасовой перерыв, и тут каждый закусывал, чем "бог послал", в зависимости от состоятельности семьи. И так - всю неделю, до вечера субботы. В субботу вечером поденщики пешком расходились по своим сёлам. В

воскресенье к вечеру их снова собирала подвода, и они шли в имение. Мать рассказывала, что жизнь женщины была безнадежно тяжелой. Издевательства приказчика, заставлявшего вырывать пропущенные сорняки из земли зубами, дополнялись для некоторых женщин самодурством мужей. Один "молодец" прослышал, что жена изменяет ему. Он выпросил у соседа подводу, приехал в Бунино, привязал жену к оглобле телеги, и погнал коня к дому, стегая кнутом: один раз - по лошади, другой - по жене, один раз - по лошади, другой - по жене. Да так и гнал до самого "Отскочного", пятнадцать километров... Столь солоно доставалась иногда копейка несчастным бесправным женщинам до революции.

Лет семнадцати мать вышла замуж за моего отца. Причём сначала за ней ухаживал младший брат отца, Герасим. Как-то, будучи ещё неженатым, отец пришёл "на улицу" - т.е. место гуляния сельской молодёжи. Заметил девушку с Герасимом, подошёл и заявил братику: "Иди домой!". Герасим обязан был, по тем временам, слушаться старшего брата. Так мой отец "нашёл" свою "царевну"... А Герасима дед женил на девушке из соседнего волостного села. Этой девушки Герасим и не видел ни разу до сватовства. Девушка была очень красива. Звали её Евдокия Ивановна. Уже в преклонные годы я встречался с ней, но и тогда она выглядела русской красавицей.

Кстати отмечу, что и старший брат отца, Сидор, точно также был женат своим отцом (дедом) на девушке из соседнего села Дмитришевка. Эта женщина также была красива и солидна. Помню, в семье её называли Иванихой. Обе эти семьи в жизни оказались несчастливы.

Дядя Никифор был женат на односельчанке. И тётя Ганя вышла замуж за односельчанина. Её муж, Антон Андрианович Пальчиков (по-уличному Хвиёнов), был моим крёстным отцом, а жена дяди Никифора - крёстной матерью.

У моей родной матери было два брата и две сестры. Старший брат, Кузьма, погиб на Первой империалистической войне, а младший - Тихон Егорович - живёт и по сей день на Донбассе, в г. Енакиеве, на Садовой улице, 28. У него своя небольшая усадьба и свой домик. Судьба у Тихона любопытна. О ней несколько ниже, а пока о младших сестрах матери.

Аксинья - средняя сестра из трёх, а Ирина - младшая, умерла раньше всех, не оставив потомства. Тётя Аксюня, как мы все её звали, живёт и сейчас в Отскочном с мужем, Митрофаном Петровичем Кретиным.

Интересно отметить, что семья отца - Кретины, семья матери - тоже Кретины. Все три сестры вышли замуж за Кретиных, а тётя Аксюня выходила замуж дважды, и оба раза - за Кретиных. Если не половина села, то треть Отскоченцев - Кретины. Есть Тамбовцевы, Пальчиковы, Аксёновы, Поповы. И всё! Если и есть теперь какие-нибудь новые фамилии, то это пришлые из других мест, не аборигены. Отскочное, скорее всего,

образовалось переселенцами из соседнего села Донское. Сужу об этом по тому, что, помню, ещё с дедушкой, Яковом Фетистовичем, заезжали в гости к каким-то родственникам в селе Донском. Это было в 8-9-летнем возрасте: Донское и Отсочное расположены на правом берегу Дона, в пяти верстах друг от друга. С юго-западной окраины Отсочного видна северная окраина Донского. Помню, что на этой окраине росли огромные дубы, подобные Шишкинским соснам на картине "Рождь" (или "Полевая дорога"). Это классическая иллюстрация наступления степи на лес. Любопытно, что дальше, юго-западнее Отсочного, в сёлах (Крещенка, Верейка) встречаются Кретиныны, вот южнее и северо-восточнее (Дмитровка, Конь-Колодезь) - нет. В своём родном селе Отсочном я прожил с семьёй с небольшими перерывами до 13 лет. А затем, с переходом отца на работу в г. Воронеж в 1922 г., я с 1923 г. совсем оторвался от села. В бытность семьи в родном доме, я с дедом и матерью исполнял все сельские работы, свойственные физически крепкому подростку. С дедом я пахал и сеял, убирал урожай, возил его с поля и молотил. Помню, в 1921 году дед из-за неурожая поехал с бабушкой в Сибирь, к Сидору. Но не знаю, нашёл ли он его или нет, только, будучи бондарем, он жил самостоятельно, и осенью 1922 года вернулся домой, но без бабушки, Екатерины Тарасовны. Она заболела в дороге тифом, и в Воронеже её взяли в лазарет... На этом следы её теряются. В этот год ещё свирепствовала эпидемия тифа. Незабываемыми впечатлениями остаются ночи, проведённые на выпасе лошадей - в ночном! Много общего было с тем, что описывал И.С.Тургенев в одном из лучших своих рассказов "Бежин луг". Помню радостные праздники весны: "Пасху" и "Троицу", игры в мяч, в "третий лишней", в "лунки" и в "бабки". Особое удовольствие доставляли гулянья на улице с более взрослыми парнями и девушками: во главе с гармонистом группа молодёжи с песнями или "страданиями" (частушками) двигалась к центру, а иногда и обратно, а мы, мелюзга, крутились под ногами, воображая себя "большими". Незабываемы: купание на Дону, лазанье на колокольню в большие праздники, кулачные бои, катание на коньках и санках на "масленицу" и т.д. и т.п. Навсегда сохранились в душе впечатления о первых годах учёбы в сельской начальной школе. Школа была в центре села, и от нашей окраинной улицы приходилось идти километра полтора-два. В тяжёлые годы (1919-1921), когда торговля, по существу, прекратилась, я ходил, как и все деревенские ребята в лаптях, а весной ещё и подвязывал колодки, чтобы не наступать (лаптями) в снежную слякоть, ибо лапти вскоре промокали. Лапти мне плёл дедушка по матери, Сысой Егорович. Тихон Егорович (он всего на два года старше меня) учил меня навёртывать портянки и обувать лапти. Теперь лапти в Отсочном не носят и самые отъявленные бедняки. Поэтому, видимо, необходимо изобразить, что это за обувь - "лапти с колодками" или с "колодочками"... Ходить и работать в лаптях очень легко и удобно. Толи ходишь за сохой, толи косишь рождь крюком, толи сторожишь лошадей в ночном - и во всех других делах ноги чувствуют себя более привольно, чем в сапогах. Но это - в сухую погоду. Но вот в дождь, в слякоть положение иное. Неудобно в лаптях и пахать сохой:

идёшь по дну взрыхлённой борозды, а комочки земли засыпаются за края лаптя, под ступню. В конце концов, туда насыпается и уплотняется столько земли, что приходится разуваться и выбивать землю на краю дороги.

Выезды с дедом на полевые работы в те годы не казались такими романтическими, как вот теперь, однако и тогда душа наполнялась гордым самосознанием, что я помогаю дедушке, семье вести хозяйство. Сейчас вспоминаются и горькие минуты и минуты необыкновенной сладости. Однажды, после посадки картофеля, дед заставил меня боронить поле деревянной бороной вверх зубьями. Тогда, естественно, толка в такой работе я не видел, и от усталости я заплакал... Теперь же я сознаю, как мудро поступил дедушка: взрыхлённая земля хорошо уплотнялась тыльной стороной бороны, подтягивала влагу к клубням, они быстрее и дружнее давали всходы и этим позволяли ускорять рыхление междурядий, сберегая влагу в почве, лучше аэрировать верхний слой пашни и способствовать развитию и росту картофеля.

А каким наслаждением теперь представляется обеденный перерыв в поле, когда, распластавшись под телегой в тени, увлечённо наблюдал за караванами белых облаков или за порханием, трепыханием на одном месте разливающего трель жаворонка! Висит в воздухе хохлатый злодей и самозабвенно заливается песней, а сам крылышками трепещет, трепещет... А небо голубое-голубое, и ниже неба плывут пушистые белые копны ржаной соломы. В душе - одно спокойствие, одно блаженство и никаких забот, никаких печалей! Всё было - твоё, всё было - для тебя! Не осознавая, и не думая даже, ты чувствовал бесконечность жизни. О предельности бытия человек начинает задумываться и осознавать только под конец жизни, с первых её «заморозков» - первых признаков старости.

В связи с революцией жизнь семьи была как-то неустойчива в том смысле, что отец работал то - в Тифлисе, а, возвратившись оттуда, какое-то время работал в Откоченском «райпотребсоюзе», затем - в Землянском уездном земельном отделе...

Учиться я начал поздновато - с 1919 года. Моя первая учительница - Мария Максимовна Кутузова. Она была учительницей ещё у моего отца, а в последствии, у некоторых, была учительницей их дедов! Сама она родом из г. Задонска. Пришла в село 19-ти лет, да так и осталась в нём. Сама «строила» школу, сама «износила» её: разрушили ту школу уже вскоре после её смерти. Под конец жизни она учительствовала в районном селе Хлевное, там она и умерла в годы войны. Похоронили её, как я потом выяснил, в какой-то общей могиле, куда перенесли останки и от других могил при планировке райцентра. За свою долголетнюю службу на поприще народного образования награждена орденом Ленина. Была очень строга и взыскательна, «неслухов» била «квадратами» (линейками). И что примечательно: отцы и матери всегда просили её взять первоклассника в свою группу, так как предпочитали воспитывать ребёнка в строгости. Попадало и мне от неё...

Помню как-то весной на большой переменке пошли мы с ребятами посмотреть ледоход на Дону. Школа стояла недалеко от речки, на крутом берегу. Ну-с, засмотрелись на необыкновенно привлекательное зрелище: плывут льдины, какие-то снопы соломы на них, следы зимней санной дороги на льду, вороны, роющиеся в унавоженной дороге и много другой разности - и опоздали к началу урока... Вот она нас, милых «братцев», всех в угол-то и поставила до самого конца урока, да ещё пригрозила отцам пожаловаться! Стыдно было, конечно...

Учиться я хотел, и ходил в школу с большой охотой. Повлияло, видимо, то, что отец в те времена выделялся среди других односельчан своей грамотностью и был по своему уровню намного выше окружающих. Как я уже упоминал, отец учился и окончил низшую сельскохозяйственную школу в Конь-Колодезе (соседнее село). Теперь это примерно соответствует техникуму, а по практическим навыкам такие школы стояли очень высоко. Помещики и управляющие имениями охотно брали к себе выпускников на должности младших агрономов. Так вот, в с/х школу отец попал благодаря личному ходатайству Марии Максимовны перед директором школы. В связи с этим отец был у неё всегда на особом счету, и я теперь не выходил из её постоянного за мной надзора. Со мной, дочерями священника и ещё 2-3 детьми своих бывших учеников, выдвинувшихся на руководящие посты в первые годы Советской власти, Мария Максимовна проводила дополнительные занятия, расширяя наши знания и кругозор личными рассказами и выдачей книжек из школьной библиотеки для домашнего чтения.

В каникулярное время Мария Максимовна организовывала из семей интеллигенции и своих учеников, учившихся в гимназиях и специальной с/х школе, драматические кружки и представления. Это были дивертисменты, декламации и маленькие пьески. Все представления давались в школе. Для этого при постройке здания была специально предусмотрена «створная» стена двух классов. Средняя стенка собиралась на петлях, как гармошка. В получившейся длинной комнате к одному из её краёв сдвигались парты и на них клались длинные толстые доски. Так устраивалась сцена. А перед сценой, естественно, висел занавес, оборудованный из веретей, т.е. материала, который сейчас называется брезентом. Но брезент - это промышленный продукт, а веретья - это домотканый материал. К потолку и стенам пристраивались керосиновые лампы. Декорации и костюмы делались под руководством Марии Максимовны. Подобные «концерты» были, конечно, для Отскоченской молодёжи выдающимися событиями. Они будили желание к свету, к просвещению, к лучшей жизни.

Отскочное стоит примерно в 50 километрах от Воронежа и от теперешнего областного центра - Липецка. Разместилось оно в стороне от бойкого тракта, шоссейной дороги Воронеж-Москва через Елец, Ефремов, а теперь и через Липецк, за рекой Доном, что очень важно. Мостов не было, и стояло оно в стороне от всей общественно-политической жизни страны.

Никто туда не заезжал и не заходил. Спало крестьянство десятилетиями, оставаясь не потревоженным и в годы крестьянских бунтов и в годы революции в начале века. В селе не было помещика. Крестьяне не переживали мук крепостничества. Революционные перемены 1917 года большинство, особенно молодёжь, встретили положительно. Только наиболее зажиточные и пожилые отрицательно высказались при нарушении бытовых и старых общественных традиций, таких, как отрицание бога, отказ от церкви, непослушание старикам и т.п., и старались жить по старинке: пахали, сеяли, убирали хлеб, разводили животных, справляли праздники, и, помолясь на иконы, сажались за стол...

Но ветер революции доносил влияние нового и до Отскочного. Люди приходили из города, возвращались с войны покалеченные и израненные, приносили на село новые мысли, новые разговоры, новые слова, которые раньше и не слыхали в селе: революция, Советы, коммуна, большевики, красногвардейцы, «контра», дезертир, и т.п. В самом селе не было единства. «Красные» воевали не только с «белыми», но и с дезертирами. Последние по-бандитски защищались. Помню, вернулся с войны по ранению Потап Пальчиков. Была у него прострелена нога. Шёл 1919 год. Как раз на Пасху, когда народ шёл в церковь, Потап прогуливался с гармошкой по улице. Это было неслыханным богохульством. А через некоторое время Потапа застрелили из винтовки в черепную коробку. После люди рассказывали, что убийцей был дезертир, которого разыскивал Потап вместе с уполномоченным из волости. Потап был отчаянным человеком, Фронтовые настроения «красных» оказали на него большое влияние, он слыл «большевиком», хотя в партии и не состоял, но идеи её нёс в село и, в меру своего умения, защищал. Таких просоветски настроенных фронтовиков в селе было несколько человек.

Запомнился «Лысый». Его звали Егор, и был он сыном крестьянина нашего села. Ушёл в Воронеж на заработки, работал в магазине мальчиком, потом - приказчиком (продавцом). Это был способный, грамотный человек.

Кроме сельской школы нигде не учился, но много читал и занимался самообразованием. Вступил в партию. В годы НЭПа его назначили директором Воронежского торгового банка. Я учился с его сыном в сельской школе, но затем мы потеряли друг друга. Году в 1919, в момент захвата Воронежа белогвардейским генералом Шкуро, Егора арестовали, однако он сумел бежать и спастись от верной гибели. Помнится и ещё один активист - Алёша «Греков» (Алексей Пальчиков). С его младшим братом, Макаром, я тоже учился, но он был великовозрастным, и мы не дружили. А после, через много лет, мы встретились. Макар был гармонистом, считался первым парнем на селе, но по службе не продвинулся. Где-то в Усманском районе заведовал картофельным сортоучастком. А брат его, Алексей, в первые годы революции работал уездным «упродкомиссаром». Ходили слухи, что он немало попользовался, к своей выгоде, высокой должностью, и о нём

говорили плохое...

Из тех лет помнится ещё впечатляющая картина - труп Ивана Петрова, убитого железным шкворнем в голову... Труп ночью был вывезен на зады усадеб, где пролегала дорога. Иван Петров, как рассказывал отец, был примечательной для Отскочного личностью. Жил бобылём (одиноким) и неизвестно, где дольше проживал: в городе или дома, у братьев. Это был отъявленный рецидивист. Собранные такими «промыслами» деньги приезжал проматывать в село. После того, как пьянствовать с компанией было не на что, снова подавался в город.

Рассказывал мне отец про него такой случай. В крупный магазин с тканями приехал поп (переодетый Иван Петров) с дочкой на хорошем фаэтоне с рысаком. Вошли в магазин, попросили приказчика набрать дорогих тканей, якобы дочке к свадьбе. После подсчета оказалась весьма крупная сумма. Поп, с крестом, как полагается, попросил тюки донести до извозчика, усадил дочку, и она уехала. А сам остался платить деньги. Но перед этим просил указать ему туалетную комнату. Проходит 15 минут - попа нет, полчаса - попа нет... Приказчики забеспокоились и послали мальчика при магазине посмотреть в щель. Мальчик заглянул и в ужасе закричал: «Батюшка повесился!» Позвали городского, начали составлять протокол, что да как было, и, наконец, дошли до двери туалетной комнаты, открыли ... и видят, что на стенке висит поповская верхняя одежда, из-под неё внизу торчат сапоги, а сверху - шляпа. А самого попа-то и нет! Он выпрыгнул в верхнее окошко. («Попом» был И.Петров).

А убил Ивана Петрова (Петровича) якобы односельчанин, бывший жандарм, чьи неблаговидные дела знал Иван. Об этом мне говорил Семён Иванович, муж маминой сестры Ирины. Его отец был по «духу» близок к семье жандарма и к Ивану Петрову.

Яркой картинкой запомнилось событие, когда одного из крестьян другой брушанул вилами в бок. Якобы за то, что первый увёз с поля его снопы ржи. Было, помню, страшно смотреть на окровавленную одежду, когда снимали мужика с повозки. В таких случаях обычно собиралась большая толпа народа, ну и ребятишки, конечно, были непременно «свидетелями».

Наряду с поножовщиной, дракой на кулачках и т.п. были и дни гуляний, песен, свадеб... Сельские праздники проходили похожими на гулянья в других сёлах. Отмечу только, что участвовал в катании с горки на масленицу, с «Левиной горы». Этой горы-то, собственно, не было и нет. Так, небольшой взгорок, но на лёгких санях, салазках, на коньках люди катались с удовольствием. Лыж в те времена в селе не знали и никогда не видели.

В 1922 году отец перешёл на работу в Воронеж. И вот летом мы с матерью отправились к отцу пешком. Шли целый день. Путешествие было для , меня интересным. Проходили сёла, шли лесом, останавливались на постоянных дворах пить чай с кренделями. На нашем пути лежали два таких

двора: в деревне Галкино и в посёлке Стублище. Дворики и хатёнки ещё сохранились на этих местах и в наши дни. Но, видимо, скоро останутся от этих посёлков только воспоминания. Постоялые двory представляли собой большие хаты с длинными столами посредине. Тут же в хате торговали кренделями и чаем, да кое-какой закуской. Колбаса «чайная», купленная на постоялом дворе, казалась необычайно вкусной. Вкус этот жил со мной всю жизнь, и я до сих пор его помню. Только нет теперь такой колбасы. По качеству есть и лучше, но по вкусу и аромату колбасы, подобной «чайной» тех времён, не встречается. Зимой люди, естественно, стремились забраться в хату, ну а летом распрягали лошадь около двора и усаживались где-нибудь в тени у стен, закусывали и дремали час-полтора, а затем снова продолжали путь на Воронеж или до дому... Часто здесь же и ночевали до рассвета, т.к. в те годы проезжать ночью через лес было небезопасно.

Дошли мы с матерью до города благополучно. Но у меня болели колени, под «чашечкой». Ни ступни, ни мускулы ног не болели, только колени. Но скоро прошло.

В 1923 году мы всей семьёй уехали к отцу в Воронеж. В Отскочном остался один дедушка с «молодой» бабушкой. Оставили ему корову, лошадь, поросёнка, птицу. Дедушка по-прежнему бондарил и делал сохи. Это было подспорьем к бюджету. Потом ему уже стало тяжело хозяйствовать, и всё распродали. Теперь он стал только бондарить, насколько хватало сил. В 1928 году дедушка умер в возрасте 78 лет, а «молодая» бабушка перешла жить к своему сыну в Муравлёвку. Хату в Отскочном продали... Так разорился род Николая Яковлевича Кретинина (Левонина) в Отскочном. Из потомков деда сейчас Отскочном живёт только сын дяди Никифора Фёдор, с сыновьями. Связей друг с другом мы не поддерживали, и я не знаю подробностей его жизни. Знаю только, что сразу после освобождения Воронежа от фашистов Фёдор построил хату в городе, но пойти на производство не захотел из-за погони за длинным рублём у частных... Он - плотник, и мог бы, конечно, устроиться на завод...

Об Отскочном можно написать много, но кое-что считаю для себя обязательным...

«Цуть»... Мария Максимовна считала долгом своей жизни бороться и изгнать из Отскочного употребление окончания «...цуть». В минуту раздражения она восклицала: «И когда я только избавлюсь от этого проклятого «цуть»! Но сбыться этому было не дано. «...Цуть» - это окончание слов вместо правильного окончания «...ся». Например: «утираютцуть» вместо «утираются», «ругаютцуть» вместо «ругаются», а также «бреютцуть», «обливаютцуть» и т.д. (Это окончание встречается и сейчас среди коренных жителей. Тамбовцев В.В.)

Было поразительным для меня, когда дядя (брат матери) пришел в 1972 году проведать меня в больницу, и я услышал из его уст (после многих лет жизни в городах и рабочих посёлках!) это достопримечательное «...цуть»... Я поразился: как оно живуче!

II. Воронеж

В 1922 году отец из Конь-Колодезьского сельскохозяйственного училища, где он работал управляющим производством (ранее, в 1910 г. он его окончил), перешёл работать в г. Воронеж, в сельскохозяйственный отдел облпотребсоюза. Летом, а точнее, с началом осени, перебралась к нему и вся семья из Отскочного, где остались дедушка с бабушкой. У них была лошадь и корова. Кроме того, дедушка мастерил сохи, кадушки, дежки и т.п. Изредка я навещался к ним в каникулярное время, пристроившись к какой-нибудь подводе. А спустя некоторое время ходил в Отскочное и самостоятельно. Бывать у дедушки было приятно. Встречали ласково и были искренне рады мне. Скучно, конечно, им было вдвоём, хотя рядом жил мой дядя Никифор с семьёй (большим семейством). Но жена дяди не ладила с бабушкой, и потому дружбы не было. Хотя дядя Никифор был добрейшим человеком.

Бывая у дедушки, я помогал ему по хозяйству, а один раз он даже послал меня на выселки в Муравлёвку (это километров 15-20 от Отскочного), на саях за ржаной соломой на корм скоту. Туда я добрался благополучно. Мне помогли нагрузить на сани воз соломы, и я отправился обратно. Возвращаясь в Отскочное, я заблудился. Попал в соседнее село, Крещенку. Подъезжаю к ней, вижу - церковь, но не наша. В окнах были витражи из цветного стекла. Я догадался, что это Крещенка, ибо бывал в церкви, когда вдову, жену дяди Герасима, выдавали замуж за Крещенского жителя Рубцова. Всё это я очень хорошо помню...

Домой из Крещенки, через Донское, я добрался уже вечером, и бабушка с дедушкой сильно беспокоились...

Примечательным событием была в эту пору наша встреча с Бобиком! Эта встреча была настолько ярка и трогательна, что я её постоянно с радостью вспоминаю, хотя давно перестал быть ребёнком... Бобик - это сын Вьюги, а Вьюга - это полукомнатная, полудворовая собачка хозяйки дома, где мы снимали квартиру для семьи. Снимали мы комнату и кухню на четырёх человек: отец, мать, сестрёнка Анна и я. Вьюга - низенькая собачка с гладкой, короткой шерстью цвета подгорелого блина. Она была умная и необыкновенно хитрая, но ласковая - наша детская забава. Вьюгой её прозвали за то, что, хитря и ласкаясь, выпрашивая у нас взаимную ласку и порцию еды, которую кто-либо держал в руках, Вьюга вьюгой крутилась вокруг нас, подпрыгивала и облизывала нам (детям) руки, а то и лицо... Бобика мы держали поначалу у себя в Воронеже, а потом отправили к дедушке. Дедушка любил животных. Когда я появлялся недалеко от дома в Отскочном, Бобик выбегал из ворот и, выказывая свою верность хозяину, лаял на «чужого» человека. Но стоило мне позвать его: «Бобик, Бобик!», как он опрометью бросался ко мне и, подпрыгивая, лизал мне лицо, мешая идти... Глаза светились радостью, он скулил тоненько, беззлобно, беспредельно довольный встречей, и всем своим поведением как бы говорил: «ох, как я соскучился!». Чем была насыщена его собачья психика, конечно, трудно

было сказать, но детскому сердцу хотелось это воспринимать как необыкновенную радость и преданность друга...

Это событие осталось ярким и приятным воспоминанием, видимо, потому, что подобное чрезвычайно редко встречаешь среди людских взаимоотношений. Очень хорошо, просто великолепно, когда собака - друг, и беспредельно подло, когда друг - собака... Этот афоризм я слышал в молодости, но он не утратил своей жизненной силы и теперь, в старости...

Итак, мы приехали в Воронеж. Я поступил в 3-й класс, а сестра была на год младше. По возрасту мне следовало бы сесть к четвероклассникам, но родные опасались, что мои деревенские знания, да ещё в такое «смутное время», окажутся не на уровне, и решили, что лучше пойти в класс пониже. Это было правильное решение. Я не почувствовал себя отстающим в учёбе и усваивал материал хорошо, числился среди передовиков. Среди деревенских сорванцов я выделялся серьёзностью крестьянского парнишки, ко мне за парту подсаживали шалунов и непосед, таких, как Кузнецов Юра, с которым мы навсегда подружились с третьего класса. Будучи учеником 7-9 классов, я был председателем школьного исполбюро, хотя были учащиеся и более старших классов. Активность в общественной школьной работе, видимо, послужила основанием выпустить меня на один месяц раньше из школы, чтобы я успел поступить в Воронежский сельскохозяйственный институт (ВСХИ), где проводился майский приём.

В СХИ я пошёл с большим желанием, и ни о каком другом ВУЗе и не мечтал. Дед-крестьянин, отец-агроном - традиция! И эту сельскохозяйственную традицию я сознательно и с желанием поддерживал. Теперь вот я уже пенсионер, но никогда я не раскаивался в выборе профессии. В 1926 году отец перешёл работать в районные отделы сельского хозяйства, затем - в конкретные хозяйства. Я и сестра жили на частных квартирах порознь. И нам, и отцу с матерью было тяжело материально. Теперь вот только понимаешь, какую надо было проявить самоотверженность, чтобы последнюю копейку отдавать на дело образования детей.

Жили мы, конечно, бедно. Недовольство хозяев квартиры и стола заставляли, чуть ли не каждый год, менять место проживания. Недовольство возникало чаще всего из-за несвоевременной выплаты средств по уговору... Да ведь и хозяева были не богачи. Они теснились, принимая нас с сестрой в свои семьи, чтобы иметь лишнюю копейку и связать концы своих семейных бюджетов. Росли и воспитывались мы с сестрой самостоятельно. К счастью, не попали под дурное влияние и благополучно окончили среднюю школу. На пути этого счастья у меня, например, было такое важное условие, как общественная работа. Я отдавался ей с увлечением. Иногда даже ночевал в школе, т.к. до «дома» было идти далековато: с одного конца Воронежа на другой. Хотя утром этот путь проходил ежедневно, кроме выходных дней.

Последние два года учёбы в школе совпали с развёрнутыми кампаниями: по ликвидации неграмотности и коллективизацией. Нас,

старшекласников, посылали учителями в «ликбезы», тем более что школа наша имела педагогический «уклон». Я попал в село Машкино Давыдовского района (недалеко от Воронежа). Там выпустил стенгазету, которую кулаки изорвали, угрожая расправиться со мной. Так говорила сторожиха школы, у которой я жил. Но в этот момент я был не «дома», а проверял дела у членов своей бригады, ибо был бригадиром. Жили мы страшно... Крестьяне жили нечистоплотно, кругом грязь, бедность. Паразиты в квартирах - обычное было явление. Теперешняя молодёжь ни за что не согласилась бы жить в таких квартирах. Но моё поколение жило и работало с энтузиазмом, и - победило. Даже дочери городских «маманек» вынуждены были терпеть и мириться с дикими условиями быта, ибо нужно было хоть как-то показать, что она дочь «папеньки от станка», т.е. рабочего. Иначе можно было очутиться вне школы... Таковы были «порядки» в те времена. Все старались быть ближе к трудовому слою населения. Нетрудовые элементы - нэпманы, кустари, служители религиозных культов - урезались в правах на всякие социальные блага. В праве поступления в ВУЗ им просто отказывали. Создавалась новая, пролетарская интеллигенция, свои, советские специалисты. Создавались в спешном порядке: рабфаки, ударные группы (ускоренные выпуски, т.е. институт - за 3 года) и т.п. Специалисты выпускались не высококвалифицированные, но умеющие уже разбираться в специальных вопросах. Дипломы назывались: «Путёвка в жизнь».

Вместе со мной учился в СХИ некто Кожеуров. Он окончил низшую сельскохозяйственную школу, и теперь хотел получить диплом агронома с высшим образованием. Меня «прикрепили» к нему помогать по математике. Так он откровенно мне говорил: «Тимоша! Ну что ты меня учишь интегралам и дифференциалам?.. Мне они не нужны, мне нужна Путёвка в жизнь, т.е. диплом ВУЗа, который бы помог мне занять более высокую должность...». Он был уже семейным человеком.

Жизнь студенчества была тяжела, особенно в 1932-33 годах. Засуха 1932 года привела к тому, что мы получали всего по 200 граммов хлеба в сутки. В столовой кормили почти сгнившей капустой. Крупяной суп, в котором «крупинка за крупинкой гоняется с дубинкой», считался деликатесом. Бывало, ребята покупали 4-5 тарелок супа, жижу сливали, а то, что оставалось «покруче» - съедали. Если кому-либо из товарищей по общежитию (по комнате) удавалось привезти из дому какую-либо крупу, то сообща варили из неё суп на примусе в умывальнике, используя чайник из тонкой жести. И устраивали «банкет». Помню, в 1933 году наша группа, вместе с другими, выехала на лагерный сбор в Нарофоминск. Из нас готовили танкистов. И вот в Москве, на Казанском вокзале, решили накормить нас обедом. Строем нас ввели в какой-то зал ... и мы ахнули! На столах стояли вазы с ломтями хлеба, который мы могли есть без ограничения. После обеда ломтей в вазах не осталось. То, что ребята не смогли съесть, попрятали по карманам... В

воинскую часть приехали худые, бледно-жёлтые. А уезжали откормленные, розовощёкие, поздоровевшие и «помолодевшие».

Но учиться было легко! Применялся «бригадно-групповой» метод: занимались группой, а экзамен отправлялся сдавать один. И если он сдавал на «хорошо», то «хорошо» ставили в зачётку каждому члену бригады. Кто имел основательную предвузовскую подготовку, тот удовлетворительно осваивал и специальные предметы, а те, кто приходили со слабой базой - получали общее представление и к большему не стремились, ибо знали, что получат после окончания руководящую работу с хорошим окладом. Так оно и бывало. Я мог бы назвать многих, кто учился «тупо», но по окончании был назначен начальником или замом Главка. И долго они потом сидели на этих местах, пока их не заменили людьми из числа нового советского поколения специалистов, но уже с прочными специальными знаниями и хорошим опытом работы. А те, что поумней, так и остались работать на высоких постах.

В 1935 году, в апреле, я защитил дипломную работу и был направлен по ходатайству кафедры растениеводства (Григорий Иванович Полосухин) на работу на областную Опытную сельскохозяйственную станцию. В Министерстве путёвки для меня и товарища по учёбе, Сапрыкина Юрия Романовича, выхлопотал зам. директора опытной станции по науке Пыжов Алексей Михайлович. Исключительно энергичный, толковый человек, ставший впоследствии доктором с/х наук. На опытной станции меня вскоре «произвели» в заведующего отделом колхозного опытничества, а затем послали на укрепление руководства Митрофановского опытного поля (в то время - Михайловский район). В декабре 1938 года я с семьёй переехал на «Митрофановку».

До этого события нас с однокашником Смирновым Николаем Ивановичем некто А.Кулькис (кстати, тоже однокашница) оклеветала в районной газете, обозвав «врагами народа». Тогда это было в моде: не проверив факты, облить грязью любого человека. В районе, конечно, разобрались и оставили всё без последствий, хотя в тот год тысячи людей по таким вот кляузным заявлениям без вины понесли тяжёлую кару, будучи сосланными в отдалённые места страны. Многие там и умерли, а многих восстановили в правах только после Великой Отечественной войны.

Войну я встретил в Митрофановке. Меня, как командира запаса (лейтенант), назначили начальником штаба истребительного батальона (отряд для борьбы с вражескими парашютистами и всяческими диверсантами). Вскоре меня взяли с опытного поля на работу в райком партии в качестве зав. отделом пропаганды и агитации. Однако, при утверждении в обкоме партии, «перехватили» и утвердили инструктором отдела кадров обкома. Так я снова очутился в Воронеже. Шла война, и нас, инструкторов, разослали по районам области для организации эвакуации движимого и недвижимого имущества колхозов и советских учреждений. Но что-либо сделать ни мне, ни кому-либо другому не удалось, т.к. в момент

нашей явки в район гитлеровцы уже были на подступах к районам, а потом эвакуированное заставляли на дорогах и возвращали на запад...

Я был послан в Ведугский район (а может быть в Землянский? - как ни странно, но уже забыл). Когда я прибыл в район (нас, нескольких человек, развезли на обкомовской машине), там уже всё было сделано, и секретарь райкома т. Бабохин покидал район, чтобы укрыться на конспиративной квартире. Он имел задание остаться в тылу врага для подпольной работы... В отделении НКВД я застал начальника, и мы с ним на парной подводе выехали из райцентра по направлению к селу Карачун. Это левее основной дороги на Воронеж. Сделали мы это умышленно, чтобы уйти от механизированных частей гитлеровцев, которые, по донесениям людей начальника НКВД, были уже на подступах к райцентру и могли догнать нас...

В Карачуне я нарочно спрашивал у людей: «А что, мол, слышно про немцев, где они?» Нам отвечали, что они, как будто, под Касторной (100 км от Воронежа). Было удивительно и поразительно от неосведомлённости народа о ходе наступления вражеских войск. Ребята, например, шли с балалайкой на гулянку тогда, когда враг уже подходил к воротам их дома. Под Карачуном, уже вчетвером, переправились на пароме через Дон и расположились на берегу ночевать. Ехать мы не смогли, так как наш «кучер» успел, пока мы купались в речке, «вдребезги» напиться спирта из бутылки, припасённой начальником... «Отдохнув», кучер запряг лошадей, и мы двинулись к Воронежу. Была ночь по времени и «ночь» в нашей осведомлённости о положении в Воронеже. Чтобы не влететь в лапы гитлеровцев, решили на дороге повременить до рассвета...

Въезжали в Воронеж со стороны завода Коминтерна, город был в развалинах... Это было 6 июня. В здании обкома я не нашёл никого из своего начальства. Люди, бывшие там, говорили, что надо двигаться на райцентр Анна. А как двигаться? Пешком! И вот я побрёл... Из города через речку и дамбу на левый берег тянулась нескончаемая людская толпа. Вражеские самолёты делали.. налёты и из пулемётов расстреливали людей. Тогда люди бросались с дамбы на пойму и в рассредоточении переходили на левую сторону поймы, «на Придачу», а там - дальше, на Рогачёвку.

Вместе с толпой двигался и я. За день дошёл до Рогачёвки. В Рогачёвке под стеной дома переночевал, а наутро двинулся дальше. Зашёл в Рождественско-Хавский райком партии. Там встретил зам. заведующего с/х отделом обкома, и сего помощью договорился с «хозяевами» грузовой автомашины, на которой и добрался до Анны. В Анне первое время и обосновался обком партии. А потом переехал в г. Борисоглебск, а оттуда уже - в освобождённый Воронеж.

Объявления или «сообщения информбюро» о сдаче г. Воронежа не было. Но вся его правая часть, расположенная на правом берегу реки Воронеж, была оккупирована. Фронт проходил по реке.

Из Анны меня командировали в помощь Верхне-Мамонскому райкому. Там я

обитал вместе с секретарями райкома и руководством райисполкома. Село находилось в километре от Дона, по которому проходила передовая линия фронта. На правой, крутой и гористой стороне располагались итальянские части. К нам переходили лазутчики из местного населения. Левый берег непрерывно обстреливался. Если неприятель замечал у нас какое-либо движение людей - начинал бить из миномётов. Я обносился до того, что рубашка и штаны буквально сгнили на мне. Где-то достали для меня две кавалерийских попоны, и я отдал сшить себе рубашку и штаны из «чёртовой» кожи. Пока портной шил, я отсиживался над погребом в курене. От Мамона до Митрофановки было километров 40, и у меня мелькнула мысль перебраться через реку и побывать в Митрофановке, где оставалась семья. Она не успела эвакуироваться, и её с пути завернули обратно. Мама, жена и двое детей... Все попытки со стороны руководства райкома переправить на ту сторону своего лазутчика оканчивались трагически плохо... Моему намерению побывать в роли разведчика не суждено было сбыться. Да я и не был к этому подготовлен. Я даже дороги не знал. Просто это была неразумная мысль. Рассказывали потом, что всех коммунистов, оставшихся на местах по заданию властей, немцы перестреляли.

Такова была бы и моя судьба, если бы меня не перевели на работу в обком партии. Люди, оставшиеся на оккупированной территории, не были своевременно подготовлены к подпольной работе. Они гибли, как куры. Тот, кто был родом из близких районов, уходил в свои родные места и там спасался.

А с приходом Красной Армии они попадали в штрафные батальоны, и редко кто из них уцелел...

В начале 1943 года освободили Воронеж. Обком в апреле переехал из Борисоглебска в областной центр. Здание обкома было варварски взорвано и руинами торчало на площади. Вообще, Воронеж был сильнейшим образом разрушен. Обком разместился в бывшем Мединституте. Люди кое-где поустраивались в разрушенных домах. Первые дни работа шла под периодические взрывы снарядов и мин. Улицы были завалены обломками зданий и забаррикадированы различной мебелью. Люди ходили только по протоптанным дорожкам.

Семья в Митрофановке уцелела. Люди не выдали. Опытное поле продолжало действовать. Жена работала, а мне их в Воронеже девать было некуда. Да и положение было неустойчиво. В любой день я мог быть призван в Армию, и что бы тогда делала семья из четырёх человек в разрушенном городе? В конце апреля, после нескольких безуспешных попыток подобрать кандидатуру на должность директора областной опытной станции, я попросил первого секретаря обкома Тищенко Вл. Иосифовича направить меня на эту работу. Бюро обкома согласилось. Другие не шли на эту работу, ибо станция была нацело разрушена, а люди вывезены немцами на Украину.

В марте я пришёл, вернее, верхом на лошади меня доставили со станции Латная на Опытную. Ни скота, ни инвентаря, ни служебных помещений, ни

машин - одним словом, процесс восстановления начинался на голом месте. Через «чёрную кассу» организовал несколько тысяч рублей, чтобы оплатить проезд коллектива научных работников обратно на Опытную станцию. Все вернулись благополучно. Они знали меня по прежней совместной работе на станции, и охотно ехали ко мне, как к директору. Я никого не обидел, ничего никому не припоминал, и, наоборот, всегда защищал при необоснованных обвинениях в пребывании на оккупированной территории. Станция была занята врагом внезапно, и смогли сбежать только два человека: зам. директора по научной части коммунист Горшков и еврей Таран. Семью Тарана: жену, дочь и внука - расстреляли сразу же, а семья Горшкова уцелела и была вывезена немцами вместе с другими жителями на Украину. Она также потом, вместе со всеми эвакуированными, вернулась на станцию, и, через некоторое время, соединилась с главой семьи.

Работать было трудно: не хватало материальной базы, рабочих и некоторых специалистов. Чтобы достать для станции что-либо из машин или из животных, приходилось пешком ходить в областные организации. Не только автомашины, порядочной лошадёнки, которая бы ноги таскала, не было на станции. Из Воронежа привезли на санях подыхающую от бескормицы незavidную кобылку, которую я окрестил «Птичкой» и распорядился поставить её на откорм. В мае я поехал на ней в Воронеж. Через Дон я перевёз её в лодке, а на левом берегу запряг в двухколёску. На этой «Эмке» (так называлась марка отечественной легковой машины) много-много раз потом я добирался до областного центра. Двухколёску тоже перевозил на лодке туда и обратно. Первое время материал для хозяйственных посевов и горюче-смазочные материалы люди носили со станции Латная на своих плечах. И только через год появилась подвода, а потом уже трактора и автомашины. Жилой фонд и лабораторные помещения были почти нацело разрушены. Всё это восстанавливали собственными силами, как могли, ютились па углам, но работали, терпеливо и безропотно перенося голод, холод, невероятную нужду в обуви и одежде. Дело доходило до того, что я, как директор, был вынужден сам писать разрешение на выписку нескольких килограммов кормовой свёклы для питания, в т.ч. детей. Теперь вот, через 30 лет, и вспоминать страшно! Но все терпели и работали из последних сил. Тогда людям это казалось нормой, хотя труд на ферме был рабским. Из-за нехватки техники и рабочих рук не успевали вовремя убирать хлеб, молотить и делать другие работы, поэтому организовывали, например, бригады по ночной молотье хлеба. Ночью, после работы, молотили часов до 3-х, а в семь утра снова приступали к своей основной работе. Так жили и рабочие, и научные работники, и служащие.

В 1948 году по воскресным дням вместо отдыха сажали на «субботниках» лесные полосы. Теперь деревья выросли, и лесополосы стали красивыми, приятно вспомнить и смотреть на них. Полосы сажали под руководством неутомимого добровольного «помощника» директора, Аносова Филиппа Макаровича. Принимала участие в лесонасаждениях и Зинаида Тарасовна Сильченок, научный сотрудник, кандидат с/х наук.

Сейчас станция, после её перехода в систему Института кукурузы, хорошо отстроилась, и общий вид её вполне соответствует научному учреждению. «Модная» культура помогла возродить Опытную станцию, организованную в 1911 году профессором Чаяновым Сократом Константиновичем (не Чаянов-экономист, а его брат, агротехник). Уже в 1935-36 гг. С.К.Чаянов приезжал на Опытную станцию вместе с профессором Писаревым (селекционером), и я встречался с ним. Мне они тогда казались «богами» от агрономии.

Воронежская областная опытная с/х станция, по существу, стала для меня второй родиной. Здесь я получил становление как специалист и как руководящий работник. Здесь я женился, и здесь родился мой первый сын Борис. Здесь умер и похоронен в Петино мой отец, Николай Яковлевич Кретинин, -крестьянин, агроном с низшим с/х образованием, но большой практик. Здесь в 1947 году родился и второй мой сын - Николай. Дочь Галина родилась в Митрофановке в 1941 году.

С должности директора Опытной станции меня взяли на работу главным агрономом, заместителем начальника областного управления сельского хозяйства. От этой работы я упорно отказывался. Я проводил свои опыты и надеялся защитить диссертацию. Но со мной не посчитались.

Вскоре меня вызвали в ЦК ВКП(б) и предложили работать инструктором с/х отдела ЦК или начальником Пензенского облЗО. Присутствующий при нашем разговоре с А.И.Козловым (зав. с/х отделом ЦК) первый секретарь Пензенского обкома партии Иван Кононович Лебедев «уговорил» Козлова послать меня начальником облЗО в эту область. Я к работе в облЗО питал отвращение, но дал согласие, т.к. считал, что там скорее «выгонят» с работы...

Пенза меня встретила сурово. «Чужак»... Даже тогдашний председатель облисполкома, а нынешний секретарь ЦК КПСС, при приёме от него дел (он до меня был начальником облЗО) заявил, видимо, предполагая вероятность кляуз с моей стороны: «Критиковать начальство - это всё равно, что ссать против ветра... Брызги полетят на тебя»... Но я всегда был далёк от кляуз. На одном из очередных заседаний бюро обкома т. Лебедев вдруг предоставляет мне слово для доклада о состоянии животноводства. Я сказал, что меня никто о докладе не предупредил, и я к такому докладу не готов... Лебедев обратился за разъяснениями к Кулакову, который заявил, что я был предупреждён. Это была ложь. Доклад был снят, но я сделал для себя вывод и написал Министру с/х СССР заявление об отказе работать начальником облЗО, считая эту работу для себя непосильной... Приехал инструктор отдела кадров МСХ, но и ему я ничего не сказал. Меня мирно освободили от должности и направили на работу директором павильона «Центральные чернозёмные области» на ВСХВ (в дальнейшем - ВДНХ), а через полтора года -советником МСХ Румынии по техническим культурам.

Так бесславно закончилась моя карьера чиновника «департамента»

земледелия.

III. Бухарест

Попав в Румынию, я открыл для себя «Америку»! Только в Бухаресте я узнал, как может и как должен жить на белом свете интеллигентный человек... До этого я и представления об этом не имел. Вся жизнь сводилась для меня к ревностному должностному труду и выполнению общественных поручений комсомола, а затем и партии. Никто никогда мне ни слова не сказал об обязанностях по отношению к семье. С отцом и матерью я, по существу, не жил, и их влияние было ничтожно. Влияния других я не воспринимал, и варился в собственном соку. А это пагубно...

Воспоминания мамы

Бабушка моей мамы - Мария Васильевна Ивлиева, дедушка - Денис Иванович Ивлиев.

Мать мамы - Асташёва Антонина Денисовна, 1890 г.р., осталась сиротой, т.к. родители умерли от холеры. В 17 лет её выдали замуж за вдовца с ребёнком, мальчиком Серафимом.

Отец мамы - Осташов Андрей Гаврилович. Ему было в то время 40 лет. Крестьянин по происхождению, позже работал приказчиком в магазине, затем имел бакалейную лавку. Бабушка Тоня отзывалась о нём очень хорошо: был добрым, любил детей. Всего у них было четверо детей: Зина, Маша, Клава, Николай. Отец умер от острого суставного ревматизма в 1915 году в Мичуринске. При регистрации брака его фамилию записали с ошибками, так из «Осташова» получмлась «Асташёва».

У бабушки были сестры: тётя Валя, 1896 г.р., тётя Варя - старшая, тётя Клава, - и братья: дядя Вася, дядя Рафаил. После смерти родителей все жили со старшим братом Василием, женатым на Евпраксинии.

Мама родилась в 1911 году в г.Мичуринске. С 6 лет она жила у тёти Вали, которая была замужем за Петром Георгиевичем Макаровым. Он был фельдшером. До третьего класса мама училась у дяди Пети, а потом пошла в школу. Во время учёбы она жила у своей мамы, а летом - у тёти Вали.

Мама помогала во всех домашних и полевых работах: мыла полы, чистила самовар, нянчила детей и сидела с детьми, когда взрослые уходили из дома. В поле она полола просо, на огороде срубала табак. Ещё мама подкапывала картошку для еды, гоняла корову в стадо, пасла телёнка, свинью.

У мамы было стремление делать всё лучше других, чтобы это было отмечено взрослыми.

Один раз ночью, когда мама вытряхивала половик, светила луна, и ей стало очень грустно, она заплакала и запричитала по своей маме.

Ходила мама босиком, самое лучшее платье было из марли, окрашенной марганцовкой.

Мама дружила в деревне с детьми дьякона, семья которого считалась интеллигентной. Они жили зажиточно, у них была своя мельница. Дети дьякона одевались хорошо и по всем праздникам ходили в церковь, а мама в церковь не ходила, но очень любила смотреть, когда они нарядно одетые шли в церковь мимо её дома.

Дядя Петя построил свой дом в селе Спасском около церкви, на краю села, и мама помнит, как она на лугу около церкви играла с детьми в каланцы (пять камушков, подбрасывала один и в это время брала 2,3 или 4 и т. д.)

Когда взрослые уходили, мама водила в дом подруг. Иногда их подкармливала, т.к. годы были голодные, а фельдшер жил более обеспеченно. У тётки Вали было двое детей: дядя Витя, 1920 г.р. и тётка Надя, 1924 г.р.

После окончания 4-го класса маму хотели забрать из школы, т.к. нечем было платить за учёбу. Тогда дядя Петя взял расходы по учёбе на себя. В городе Мичуринске мама закончила девять классов в 1929 году. Мамочка училась на пятёрки, особенно любила математику и физику, умело пользовалась критической литературой, и сочинения всегда писала на пять. Их зачитывали всему классу. Из учителей любила математика, он был представительным, строгим, требовательным, добрый, красиво писал, любил аккуратность в тетрадях. Первые годы учёбы писали на газетах марганцовкой. Мама выделяла из учащихся Гурееву, которая пользовалась всеобщим уважением, хорошо училась, одевалась. У неё была красивая длинная коса. Иногда мама бывала в её доме, учила с ней уроки. Это была благородная семья. Дома был порядок, дисциплина.

Первый кинофильм, который увидела мама, был «Овод». Впечатление было огромное. Мама не спала всю ночь.

Когда мама училась в 3 - 5 классах, было очень голодно. Дети от голода лежали. Иногда дети не ходили в школу из-за того, что не было обуви.

От голода умер брат Николай. Голод тяжело перенесла тётка Маша, чуть не умерла. Все от голода отекали (пухли). На железной печке пекли шкурки от картошки, которые приносили соседи.

Бабушка осталась с пятью детьми в возрасте 25 лет, последний ребёнок - грудной. Бабушка была кустарь чулочница. Она вызвала тётку Валу из Москвы для помощи, и тётка Валя приехала. Была строгой.

Бабушке помогала семья Макаровых (пшено, хлеб), а дядя Рафаил

приносил потихоньку от своей семьи пшено в карманах. (Рассказывая это, мама плакала).

В последних классах в школе ввели кооперативный уклон (счетоводство). После школы маму направили в село Гелюлой Грязенского района в качестве практиканта-счетовода. В порядке повышения она была переведена на станцию Грязи. Отсюда в 1930 году мама поступила в ВСХИ на факультет «Защита растений», хотя заявление подавала на «Механизацию сельского хозяйства». Мама считалась на иждивении семьи железнодорожника, своего старшего брата Серафима.

Мама помнит, как во времена учёбы в школе проходила «чистка партии» в здании театра, в учреждениях.

В 1930-1932 г.г. мама перенесла сильную голодовку. В это время в столовой среди студентов возникали драки из-за еды. Стипендия мамы составляла 30 рублей в месяц. Чтобы одеться и обуться, мама во время каникул ездила в экспедиции.

В 1933 году она окончила институт (ускоренный выпуск - три года) и была оставлена в аспирантуре по фитопатологии. В связи с переводом руководителя в учёбе был перерыв. В это время мама работала на Воронежской опытной станции. В 1936 году она подала заявление на продолжение аспирантуры в Ленинградский институт защиты растений. Аспирантуру не закончила из-за плохого самочувствия.

В 1939 году мама выехала по запросу в Воронежское областное управление сельского хозяйства и работала научным сотрудником энтомологии на Митрофановском опытном поле, а во время войны была агрономом-агротехником.